

А.Лилич

16+

Silentium

А.Лилич

Silentium

«Автор»

2019

А.Лилич

Silentium / А.Лилич — «Автор», 2019

Странный сон открывает потерянному в серых буднях Юзефу дверь на "изнанку" Города, где его несбыточные мечты начинают обретать плоть и кровь, а законы природы и здравого смысла плавятся силой искреннего желания, словно воск под огнем. Но очень скоро ему предстоит узнать, что даже у самой светлой мечты есть черная тень, а чудесная "оборотная сторона" Города скрывает немало мрачных секретов.

© А.Лилич, 2019

© Автор, 2019

Глава 1.

Долгое, бесконечно долгое и полное сомнений ожидание перед началом творения. Занесенное над белой бумагой перо. И капля чернил, сорвавшаяся с кончика пера и запятнавшая белый лист. Потом белое будет очищено, оттерто, выбелено заново. Потом скажут – "вначале было Слово!". Но забудут или постараются забыть, что прежде слова была черная бесформенная клякса, порождение нерешительности, сомнений и горьких предчувствий...

...Иногда сон, забытый сразу после пробуждения, оставляет ощущение пустоты и микроскопической, но необратимой потери, – пустой кокон бабочки, цвета крыльев которой ты не запомнил и уже не увидишь. Оно удерживается в памяти совсем недолго и при первой возможности прячется среди новых ощущений, точно боится слишком пристального внимания. Через минуту-другую эта заноза сама собой выйдет из твоего сердца и неприятное покалывание прекратится. Ты не сумеешь вспомнить, что именно ощущал внутри уходящего сновидения и откуда в тебе нашлось столько печали, что хватило на целое утро и осталось еще. Но страх снова вспомнить все, что было с тобой этой ночью, теперь всегда будет с тобой...

После странного сна о пустом листе и чернильном пятне Юзефу приснился сон о ключе. Маленький тяжелый ключ из холодного металла был у него в руках, но неумолимо таял от прикосновений, просачивался сквозь пальцы, становясь все меньше и легче, – пока не растаял совсем.

Он проснулся и разжал пальцы – конечно, никакого ключа не было. Юзеф почувствовал томительную невесомую тоску того рода, что возникает от сновидений, слишком похожих на мечту и вместе с тем не способных ее оживить. Захотелось закрыть глаза и снова войти в растаявший сон, снова почувствовать под пальцами холод загадочного ключа и понять, какие двери он мог бы открыть. Но сны всегда уходят безвозвратно и невозможно поймать их за хвост, чтобы посадить в клетку.

Через десять минут Юзеф уже забыл об этом странном сне.

С самого утра Город пребывал в сумрачном настроении. В воздухе плавала сырость, но дождь еще не решил, стоит ли приниматься за дело так рано и стоит ли вообще сегодня за что-то приниматься. Сырость привела за собой пронизывающий холод и вместе они очистили улицы от людей, как чистят дорожки в парке от сухих листьев. Город теперь казался совершенно пустым, как если бы его обитатели ни с того ни с сего ушли в неведомые дали за сказочным крысоловом и его флейтой, улетели на юг вместе с птицами или просто растаяли без следа от бесконечных дождей, утомившись бесконечным тягостным межсезоньем с заморозками и краткими оттепелями.

Едва проснувшись, Юзеф почувствовал едва ощутимое беспокойство, требующее к себе самого пристального внимания, как требует внимания маленькая заноза в подушечке пальца – пока не очень больно, но если ничего не сделаешь сейчас, уже завтра это будет настоящей неприятностью. Нечто должно произойти в этот день, он собрался что-то сделать сегодня. Но что именно? Он все никак не мог вспомнить. Это его беспокоило и он чувствовал себя больным, когда заваривал чай, готовил себе – при полном отсутствии аппетита, – завтрак, мыл посуду и совершал все прочие рутинные действия, которые обычно успокаивают и настраивают на деловой лад.

«Может, пригласил кого-то в гости? Странно, конечно, не похоже на меня, а все-таки...» – думал Юзеф, протирая вымытую тарелку сухим полотенцем. Да, действительно странное предположение – в последний раз он приглашал кого-то в гости несколько лет назад и совершенно не чувствовал потребности снова увидеть кого-либо из своих знакомых у себя дома. Юзеф отчего-то старательно избегал подобных ситуаций, словно его маленькая полупустая квартирка была священным местом или таила в себе какую-то страшную тайну. В его представлении понятие «дом» предполагало уединение и тишину, которых так не хватает в суе Города, в то время как разного рода встреч здесь у каждого как раз с избытком. Исключением из этого правила была, конечно же, Алиса – сестра Юзефа, но и её он вроде бы сегодня не ждал.

«Нет, не приглашал. Что же такое со мной...». Он никак не мог отделаться от ощущения ожидания. «Что-то я собирался сделать... Выбраться из дома, может быть?». Настенные часы над письменным столом отсчитывали секунду за секундой. Рассеянный взгляд Юзефа упал на несколько книг в потертых переплетах. Очень старые библиотечные книги – пора бы уже вернуть их. Юзеф почувствовал, что ждать он больше не в состоянии и схватился за этот повод выйти на свет. Слишком темно здесь, внутри, за плотными шторами, слишком затхлый воздух, слишком размеренно раскачивается маятник старых часов. Почему бы и нет, ведь библиотека на соседней улице, это недалеко и ничего, что так сыро.

Он подошел к столу, чтобы сложить книги в стопку, перевязать шнурком и положить в сумку, но вместо этого засмотрелся на их обложки с тиснеными буквами, на дне которых поблескивали крупинцы золотой краски. Коричневые страницы приятно шелестели под пальцами. Юзеф пожалел, что в прошлый раз набрал столько всего, но так и не прочитал в срок...

«Зеркала, которые не лгут и показывают всё как есть, чрезвычайно опасны». Эта строчка, случайно схваченная зрением, заставила Юзефа очнуться. Он не сразу нашел страницу со странным высказыванием. Фраза была произнесена персонажем книги невпопад и не была понята другими героями истории, но почему-то задела Юзефа.

«Отчего же именно опасны? Что в этом такого – знать правду? Это странно, может быть неприятно и невесело, но не опасно...». Юзеф посмотрел в зеркало, висевшее ровно напротив давным-давно заколоченной двери, которая, кажется, когда-то соединяла его маленькую квартирку с соседней. Он часто представлял себе, что еще могло бы быть за этой дверью, – так же часто он в детстве смотрел в небо над тупиками улиц и высокими заборами без единой лазейки, представляя себе вещи, места и виды по ту сторону, которые хороши именно тем, что их никогда не увидишь. «Воображаемое вообще всегда лучше того, что на самом деле.» – думал Юзеф, – «Потому что на самом деле там нет ничего волшебного и интересного. И зачем разрушать фантазию, прикладывая ее к реальности, это жестоко и бессмысленно».

Юзеф подошел к двери и прикоснулся к ее ржавой ручке. Конечно, закрыто с обеих сторон, а с обратной еще и забита досками. Он оглянулся и увидел себя в зеркале, стоящего перед дверью, по левую сторону от которой на погнутом гвозде висел маленький ржавый ключик. «Это еще что такое... Откуда это?». Юзеф повернулся от зеркала, но ничего, кроме гвоздя, по правую сторону от двери не обнаружил. Его слегка передернуло.

«Я ведь на самом деле видел это. Что если начать с начала...». Он медленно оглянулся и в отражении нашел ключ на прежнем месте. Не отводя взгляда, Юзеф протянул к нему руку и почувствовал уже знакомые ему холод и тяжесть металла под пальцами.

«Не смотри, только не смотри, это не сон, не сон...» – заговаривал себя Юзеф. Все так же не отрываясь от зеркала, он наощупь нашел замочную скважину и понял, что ключ подошел. Юзеф замер. Открывать или нет?

«Это может никогда больше не повториться, ты же знаешь...». Больше всего Юзеф сейчас боялся моргнуть и хотя бы на мгновение потерять зрительный контакт со своим отражением в пыльном зеркале, которое вдруг сошло с ума и показывало сейчас Юзефу то, чего быть не могло. Больше всего он боялся сейчас проснуться.

Он с усилием повернул ключ и услышал, как клацнул старый замок, дверь немного отошла в сторону и с той стороны потянул легкий сквозняк. Юзеф почувствовал необычайное головокружение и тонкую, как спица, острую головную боль, медленно пронзающую висок. Он зажмурился и прикоснулся к вискам пальцами. Вскоре боль отступила и мир вокруг перестал закручиваться в спираль. О ногу Юзефа потерлась черная кошка, вопросительно смотря на хозяина снизу вверх. Ключ куда-то пропал, дверь по-прежнему была заперта. Зеркало, опомнившись, показывало только правильные отражения вполне реальных предметов.

Ему показалось, что он сейчас впервые не слышит того далекого звона в ушах, похожего на комариный писк, который можно заметить только в отсутствии всех прочих звуков. Тишина стала совершенной, такой, какой и должна была быть всегда – точно кто-то починил испорченный механизм, вставив потерянную деталь на прежнее место. «Сейчас же на свет, на воздух...» – подумал Юзеф, лихорадочно собираясь на прогулку. Книги он, конечно же, забыл на столе.

Город еще дремал под пеленой утреннего тумана. Стояла безупречная, почти торжественная тишина. Было слышно, как едва ощутимый ветерок осторожно прикасается к сухим веткам деревьев. Солнце то выглядывало, чтобы посмотреть – не проснулся ли еще Город, – то снова пряталось в полупрозрачных облаках, похожих на изломанные весенним ручьем льдинки.

Юзеф брел по усыпанной прошлогодней листвой дорожке, глубоко вдыхая холодный воздух и стараясь отмерять шаги равной длины (это всегда действовало на него успокаивающе). Частое биение сердца гнало его вперед со знакомой улицы на полужнакомую, а с нее и вовсе на совершенно незнакомую. Город был прежним и вместе с тем до странности иным, чем обычно, он спутал все карты и сплел из старых нитей-улиц совершенно новые узоры – Юзеф отгонял от себя мысль о том, что он заблудился.

Через сколько-то сотен ударов сердца Юзеф заметил, что кроме него на улицах никого нет. Город, уснувший в ночь накануне, так и не проснулся...

«Ни души. Разве так бывает?» – подумал Юзеф и почувствовал одновременно и облегчение, и легкую печаль от этого внезапного совершенного одиночества. Ему показалось, что только сейчас Город стал по-настоящему чист и светел, только сейчас, когда никто больше не может смотреть на него.

Только один раз над его головой пронеслась стая голубей и один раз пестрая кошка проводила его взглядом из темного подъезда с распахнутыми настежь дверьми. Сумерки серого дня наступали на Город, небо затянулось облаками и ветер понес по улицам ледяные крупинки. Юзеф шел по хрустящим от холода темным лужам, не понимая, где находится, и не останавливаясь.

ливался до тех пор, пока не вышел на знакомую улицу с какой-то новой стороны, на которой он еще никогда не был, и не увидел свой старый дом с такого непривычного угла, так что едва узнал его лишь благодаря приметной башенке на крыше. Круг плавно замкнулся.

В детстве Юзеф любил играть с механическими часами, придумывая их деталям какие-то свои собственные названия и задачи – его дедушка был мастером-часовщиком и любовь к шестеренкам и циферблатам, латуни и серебру естественным путем досталась ему по наследству вместе с дедушкиной квартирой и мастерской, в которой теперь работал сам Юзеф. Он давно подружился с Временем и привык ощущать его ровный ход – неспешный, неумолимый, придающий значение и вес каждой песчинке вечности. "Мое почтение!" – улыбаясь и снимая шляпу, говорил дедушка Юзефа старинным часам, когда входил в мастерскую. Каждый шаг секундной стрелки на каждом циферблате в мастерской шептал: "время не ждет, время уходит!", словно Юзефу предстояло успеть сделать что-то важное, пока его время не истечет, как вода сквозь пальцы. Но Юзеф никак не мог увидеть в тумане своей спокойной, но, наверное, слишком уж свободной и одинокой жизни очертания своего предназначения. Иногда ему казалось, что туман никогда не растает и он всегда будет блуждать в этих сумерках вечного ожидания и неопределенности в поисках... знать бы чего или кого.

Его личная жизнь не складывалась. Он хотел бы любить раз и навсегда, он хотел быть нежным и открытым со своей любовью, не теряя при этом себя самого, но каждая новая попытка оставляла Юзефу все больше боли и горечи, пока он наконец не решил более никого не обманывать – в том числе и себя самого, пусть даже невольно.

Алиса, младшая сестра Юзефа, переживала и расстраивалась из-за неудач брата так, словно обманывали, задевали несправедливыми упреками и оставляли в одиночестве ее саму. Намного более живая и вспыльчивая, как живой огонек, Алиса решительно контратаковала меланхолию Юзефа: "Ну и черт с ней, вот еще – расстраиваться он будет! Пусть она лучше жалеет! Попадись она мне, разговор был бы другой, вот бы я ей всё сказала!" – и это заставляло Юзефа улыбаться.

Совершенно непохожие ни внешне, ни характером, они всегда были очень дружны и близки – насколько это вообще возможно для таких зеркальных противоположностей. После смерти мамы они еще долго делили один дом на двоих, пока Юзеф не переехал в квартиру дедушки в Доме с Башней, но и после этого они часто виделись. Алиса обязательно выкраивала в своем безумном ритме учебы в университете и работы в кафе хотя бы полчаса в неделю, чтобы в очередной раз растормошить своего задумчивого и тихого брата, чтобы заставить его улыбнуться.

Иногда она задумывалась о том, что они словно живут в двух разных городах, хотя это был один и тот же Город. Сама Алиса ощущала Город шумным, сверкающим, полным людей и постоянно пребывающим в движении, а Юзеф, напротив, видел пустынные и тихие уголки Города, утопающие в зелени и тених, больше похожие на акварельные рисунки, что висели на стенах в его квартире. Алиса могла подолгу разглядывать эти полупрозрачные туманные пейзажи, но всегда чувствовала, что это какой-то совершенно иной мир, в который ей никак не попасть. "Все время забываю спросить, кто их рисовал. Понять бы, увидеть, почувствовать, как он все это видит..." – думала Алиса, но эта легкая грусть тут же уступала место "боевой", как называл ее Юзеф, улыбке и смеху над очередной сдержанной шуткой брата. И неловкий, но важный разговор всё время откладывался «на потом».

Глава 2.

Белый потолок перед глазами. Белое холодное утро. Нет, уже не утро, – Лена медленно перевела взгляд с потолка на часы, стоявшие перед зеркалом (а в зеркале на мгновение встретила взглядом с отражением – бледное, тонкое личико, холодные серые глаза, растрепанные светлые волосы), – почти полдень. Потом она еще несколько минут рассеянно рассматривала пейзаж в простой рамке, что висел на стене напротив кровати. Один из первых удачных рисунков Лены, с которым она однажды набралась смелости и пришла в издательство, чтобы стать иллюстратором книг. Сонная серая река, тонкие черные веточки на фоне белого неба, старинный фонарь и мост, исчезающий в тумане. Призрачный акварельный туман получился по-настоящему вязким, глубоким, поэтому на картинку можно было смотреть очень долго и думать о чем-то своем, представлять всякое, что могло бы скрываться по ту сторону реки, за туманом. Или не думать вовсе ни о чем. Похожих мест в Городе было много, но такого же точь в точь – не найти, потому что его просто не существует.

Вчера просидела далеко за полночь за странной старинной книгой, взятой в библиотеке. Лену почему-то зацепила эта причудливая история и она загорелась идеей сделать иллюстрации для книги, просидев за текстом, рисунками и любимой музыкой много часов подряд, забыв обо всем на свете. Теперь будут некрасивые тени под глазами, «белый шум» в голове. Впрочем, не важно, ведь сегодня никуда не надо идти, никому не нужно показываться на глаза, а за выходные все пройдет, выветрится, сотрется.

В комнате было светло и холодно, ведь ударили обещанные первые заморозки, а форточку на ночь она прикрыть забыла. Лена лишь плотнее закуталась в теплое одеяло, спрятав улыбку. Многие терпеть не могут сквозняков и холода в доме, а ей это нравилось. А в этом уютном коконе можно было притворяться спящей целую вечность...

«Перед кем притворяться? Ты уже давным-давно сама по себе». Свои неудачи на «личном фронте» Лена вспоминать не любила, но навевающие грусть мысли все равно приходили к ней, словно мстительные призраки. Свобода, которую давало ей одиночество, давно перестала её радовать по-настоящему. Улыбка погасла, как и солнечный свет за окошком – светило укрылось за серыми облаками.

Уже давным-давно Лена зареклась доверяться своим чувствам и разрешать себе любить, потому что слишком больно бывает потом, когда твои надежды не выдерживают столкновения с реальностью. Еще в детстве, кажется, она пыталась придумать себе своего «суженого-ряженого», играя, как, наверное, и все девочки в какой-то момент своей жизни, в это незамысловатое гадание и всё пыталась представить себе того, с кем она будет счастливой – обязательно будет! С годами и каждым новым расставанием образ становился все более и более размытым, а надежда на эту встречу все более и более призрачной. «Наверное я влюблена в свою собственную фантазию, ведь кроме моих мыслей и рисунков тебя больше нигде нет, любовь моя» – с грустью думала Лена и старалась больше времени и сил отдавать своим рисункам. В которых нет-нет да и мелькал образ молодого человека, с которым они никогда не встречались, но которого Лена никак не могла забыть и выбросить из головы.

Черная кошка сладко дремала в квадрате солнечного света на полу рядом с обогревателем, пушистый бочок мерно поднимался и опускался – ей были безразличны все эти переживания и печали, была бы еда в миске вовремя да мягкое теплое место, чтобы свернуться клубком... Немного завидуя невозмутимой зверюге, Лена оделась в легкое домашнее платье,

налила себе чаю, забралась в кресло, положила на колени вчерашнюю книжку – повесть о чем-то странном, как будто знакомом и вместе с тем непонятном, словно читаешь о своем собственном полузабытом сновидении, смысл которого утрачен – остались только смутные беспокойные ощущения, впившиеся в память острыми осколками.

Зашелестели страницы – потерялась закладка и теперь оставалось только искать нужную страничку по памяти. «Ну что ты будешь делать...». Нужная страница никак не находилась, ничего похожего на смутные образы из Лениной головы в книжке не было. Может приснилось? Да, такое бывает порой, – перепутаешь сон с реальностью, а потом мучительно пытаешься найти, ухватить за хвост потерянное воспоминание.

Чай скоро остыл, а охотиться за сновидениями в лесу книжных страниц надоело. На столе в беспорядке лежали вчерашние эскизы, с которых на Лену смотрели похожие на птиц силуэты и загадочные пейзажи, карандаши, краски и кисти, но прикоснуться к ним пока не хотелось, принадлежности для рисования казались мертвыми, а белоснежные листы бумаги – пустыми, в них пока еще не проглядывали новые образы. «Еще не время, может быть позже».

В руках оказался пульт от телевизора, который достался Лене в наследство от бабушки и которым Лена вообще-то пользовалась хорошо если раз в месяц. Телевидение она недолюбливала, но сейчас она просто не могла придумать, на что бы отвлечься и чем на время закрыть снова поднимающуюся изнутри грусть.

Щелчок, еще один, следующий канал, и вместо надоевших телепередач, – Лена не сразу поняла, в чем было дело, – по всем каналам показывали Город. Вот Площадь, вот Большой Проспект, вот Парк. Без людей, без машин. На каждом канале своя улица, свой кусочек Города. И нигде ни души.

Словно стало холоднее вокруг. Зябко поежившись, Лена бросила взгляд на залитое светом окно. Прижавшись лбом к холодному стеклу она долго и вдумчиво разглядывала пустой дворик – но ведь он почти всегда был пустым...

Взгляд Лены зацепился за телефон. «Надо бы позвонить и узнать...»

«...А кому позвонить?...» – отчего-то все знакомые номера вылетели из головы напрочь, а перед незнакомыми людьми, – куда там обычно все звонят за советом, есть же какой-то специальный номер для таких случаев? – не хотелось выставлять себя дурочкой, если это всего лишь чья-то шутка или просто померещилось. Лена подняла трубку, но зуммер давал короткие гудки, а значит телефон в любом случае был бесполезен.

Может быть это все еще сон?...

Одевшись потеплее (хотя день был вполне себе приятным, местами даже солнечным), она вышла из дома, с легким беспокойством поглядывая вокруг – мало ли что...

Лена брела по пустым улочкам и дворам. Люди не показывались на глаза – только птицы один раз пронеслись над головой и бродячая пестрая кошка в черном провале подъезда сверкнула зеленым глазом, провожая девушку взглядом. Все двери были закрыты, по ту сторону окон и витрин пряталась темнота. Зазеркальная Лена одиноким привидением брела в темных отражениях.

Такой глухой тишины в Городе не бывало даже ранним-ранним утром в выходной день – «...Я запомнила бы...». Подозрительно, неуютно. Немного страшно. На задворках памяти неприятно зашевелились старые детские страхи: может быть, произошло какое-то бедствие, всех увезли – а меня? Забыли? Какая глупость. А если не глупость?...

Вскоре солнце скрылось за тяжелыми серыми облаками, проснулся ветер и посыпался мелкий снег. День тихо скатился в серые сумерки. Пора было возвращаться.

Каблуки отстучали по каменным ступенькам парадной, мелодично звякнули ключи, лягнула пастью замка обшарпанная дверь. Не включая свет, Лена скинула пальто и сапожки в полумраке прихожей и тихо пробралась на небольшую кухню. Рука нашарила на стене выключатель – и замерла, не решаясь нажать. В голову пришла глупая, но отчего-то невероятно страшная мысль: «это будет единственное освещенное окно в Городе, его могут заметить». Кто? Лучше не думать об этом, лучше посидеть в темноте...

Она поставила на газовую плиту старенький чайник, сделала пару бутербродов, хотя аппетита не было совершенно, еще раз выглянула в окошко – и, опустив веки с пушистыми ресницами, вздохнула. Провести выходные в добровольном одиночестве, – это одно, а совсем другое – когда тебя вот так без спросу оставляют наедине с Городом и его мертвой тишиной. Судя по всему, впереди были очень длинные и очень странные сумерки...

Аппетита за время прогулки не прибавилось, да и пить не хотелось, – согреться бы и отвлечься, занять себя чем-то привычным, несложным, чтобы не думать ни о чем. Например, приготовить чаю. Два кусочка сахара, ломтик лимона... Лена хозяйничала в темноте, отчасти полагаясь на память, отчасти на свое острое, словно у кошки, зрение. «Кстати. Где ты там бродишь?...» – кошка сидела на подоконнике и с интересом глядела своими мерцающими глазами в черноту дверного проема, высматривая кого-то за спиной у хозяйки. Лена не удержалась и обернулась – никого. Кошка с самым невинным видом поглядела на хозяйку. «А что я? Я ничего...» – будто бы промурчала она. Лена нехотя откусила кусочек от бутерброда и поделилась с кошкой.

Кусок застрял в горле, когда из прихожей донесся знакомый лягг ключа в замочной скважине. «Кто это?» – безмолвная мысль показалась громче крика, а сердце билось так громко, что могло выдать. Дверь скрипнула, открываясь, и тут же захлопнулась. Значит он уже внутри. Лена физически ощутила приближение – вроде кого-то очень знакомого, но в то же время ею владела странная, болезненная растерянность. Она никак не могла вспомнить, у кого же еще были ключи к этой двери...

Шаги были слышны только благодаря поскрипывающим половицам, – мягкие, осторожные. Знакомые – но не узнаваемые. Лена прижала к груди кружку с чаем и замерла в растерянном ожидании. Кто?

Из темноты показался молодой человек. Может быть ровесник Лены. Сошел бы за брата – было что-то неуловимо похожее, сходное, близкое. Невысокий, светловолосый, в теплом вязанном свитере, джинсах и домашних тапочках. Незванный гость уверенно вышел из полумрака, как-будто постоянно бродил по ее дому в темноте, открыл дверцу кухонного шкафа, кашлянул, потянулся за чашкой и тут же замер. Кошка сорвалась с подоконника, рысью подбежала к нему и, подняв хвост трубой, потерлась, приветствуя и требуя ласки.

Несколько мгновений он удивленно смотрел на Лену. Она – на него. И в один голос, сбиваясь и перебивая друг друга, оба задали один и тот же вопрос:

– Что ты здесь делаешь?

Глава 3.

Воцарилось неловкое молчание. Лена нарушила его первой.

– Кто ты? – неуверенно проговорила, наморщив лоб. На лице незнакомца отразились те же самые чувства. Недоумение, смутное, болезненное «дежавю».

«Точно, где-то мы виделись, – только где?». «Я ведь ее знаю. Откуда?...». Память отказывала, выдавала в ответ на запросы ошибки и пустые страницы.

– Я? Юзеф... – похоже, он совсем растерялся. Лене показалось, что она когда-то забыла, а теперь просто вспомнила его имя. «Оно странное. Как его можно забыть?». Кошка вдруг замурчала и вопросительно посмотрела на девушку. То ли удивилась неожиданному вторжению и нахальному незнакомцу, то ли странной забывчивости хозяйки, потому что кошка-то уж точно все прекрасно помнила...

– Лена. Очень приятно. – от нелепости происходящего на ее лице сама собой появилась дурацкая улыбка. – А... а как ты открыл дверь?

– Ключами, естественно. Как еще я могу попасть в свой дом?

– Твой? Ты уверен? – Лена продолжала улыбаться. «...Это всего лишь забавная ошибка с «типовыми домами, типовыми квартирами и типовыми замками». Как в кино. Ну же, сейчас все должно проясниться!...»

– Уверен! – и он назвал точный адрес, – Я уже давно живу здесь.

Ее улыбка угасла. Она едва не сказала: «Я тоже!». Огляделась вокруг, соображая: может быть она сама что-то спутала, ошиблась, когда возвращалась домой – и забралась в чужой дом? Нет, не может этого быть! Это ее, Лены, квартира, каждый предмет ей знаком и привычен. Вот и любимая чайная чашка, подаренная... бывшим другом. Да, Лена предпочитала называть его бывшим другом. Как дрожат руки...

– Осторожно, не урони. Мне ее подарили. – глаза Лены округлились. Он указывал на чашку в ее руках и, кажется, погрузнел. – Не возражаешь?

Лена кивнула и гость разместился на табуретке по другую сторону стола. Налил себе чаю. Два кусочка сахара, немного крепкой заварки, ломтик лимона. Они немного посидели в тишине.

– Хорошо, давай пока не будем об этом думать, не надо, мне кажется. Пока не будем, не сейчас. Это как-то слишком... странно. В голове не укладывается... Ты не знаешь, что произошло с Городом?

– Я не знаю. А ты? – она подняла полный наивной надежды взор на Юзефа. Он ведь сейчас все объяснит, правда?

– Понятия не имею. – признался Юзеф. Опять молчание. – Не было никаких сообщений? По телевизору или радио, может быть...

– Нет, сообщений не было, хотя... – Лена замялась. – Телевизор показывает только пустые улицы Города.

– А ты пробовала кому-нибудь позвонить?

– Нет. Телефон тоже не работает.

Юзеф послушал гудение телефонной трубки и положил ее обратно на рычажок.

Еще одна порция тишины. Тонкие пальцы девушки крепко сжимали горячую чашку. Может от холода, а может... Юзефу вдруг захотелось чем-то помочь ей, как-то успокоить. Он не понимал, откуда у него взялась внезапная нежность к этой незнакомке. Чем дольше он смотрел на нее, тем сильнее было неясное чувство узнавания, словно когда-то давно они уже были вместе. Намного сильнее, чем за все годы, проведенные с другими.

– Тебе холодно? Отопление еще не работает и окна были открыты, а на тебе такое легкое платье, словно сейчас весна или лето... Давай принесу плед.

– Принеси. Он в шкафу, на второй полке.

– Да, я помню.

«Почему мы оба об этом помним?» – подумали они одновременно. Наверное, некоторые странные вещи лучше принимать без лишних вопросов, как данное. Иначе можно незаметно сойти с ума – если только подобное безропотное и безразличное согласие с происходящим не есть сумасшествие. Юзеф ушел за пледом.

Вернулся, накинул плед ей на плечи, снова сел напротив. Кошка тут же запрыгнула ей на колени, заурчала, устраиваясь поудобнее. Лена молчала, помешивая ложечкой чай и задумчиво и устало наблюдая за кусочком лимона – как он там плавает кругами.

«Знакомый взгляд. Постоянно вижу его в зеркале» – подумал Юзеф, но вдруг впервые за много лет испытал ощущение домашнего уюта и какой-то внутренней полноты, словно нашёлся давно потерянный осколок от его сердца. «Вот бы этот вечер никогда не заканчивался...» – подумал он и сам немного смутился странному направлению своих мыслей.

– Знаешь, у меня очень редко бывают гости... – Юзеф сделал неловкую попытку перевести разговор на другую тему, чтобы отвлечь Лену от тревожных мыслей и отвлечься самому.

– И у меня. – слабо улыбнулась Лена. – По-моему уже несколько лет здесь никого, кроме меня, не было.

– Похоже, мы с тобой оба такие затворники, что самому Городу пришлось устроить все это, чтобы мы уже точно не смогли не встретиться! – сказал Юзеф и Лена тихо рассмеялась в ответ. От этого смеха какая-то сжатая пружина внутри Юзефа разжалась, ему стало легче дышать. – И знаешь, я почему-то рад, что у него это получилось.

– Пожалуй, я тоже этому рада. Хотя, наверное, это очень легкомысленно с моей стороны... Ну и пусть.

Порывы ветра время от времени мягко нажимали на оконные стекла, а крупинки снега тихо скреблись снаружи и просились в тепло. Юзеф и Лена еще долго говорили обо всем понемногу – первоначальная неловкость развеялась и с каждой проведенной вместе минутой они становились немного ближе друг к другу. По крайней мере, в это очень хотелось верить Юзефу. Сейчас он уже был уверен, что эта встреча не случайна и что от разгадки – что в этой девушке кажется ему таким знакомым, – его отделяет самое ничтожное расстояние.

– Не волнуйся, мы во всем разберемся и все будет в порядке... – его голос прозвучал не слишком уверенно, но Лена улыbnулась. Хотя бы в благодарность за попытку утешить. Его взгляд стал чуточку светлее, легче.

На самом деле Юзеф уже изрядно устал и его клонило в сон не меньше поминутно зевающей Лены, но мысли о том, что в его квартире лишь одна кровать и Лена прекрасно об этом знает, заставила его внезапно смутиться. «Глупости, такое бывает только в дешевых книжках и фильмах! И вообще это неправильно, ведь мы едва знаем друг друга. А жаль...» – кажется, он даже немного покраснел (хорошо, что на кухне было темно). Стараясь не подавать виду, он уверенно заявил:

– В любом случае, сейчас уже очень поздно. Утром подумаем, что со всем этим делать, а сейчас тебе надо поспать. А я посижу здесь и, если что, устроюсь на ночь в этом кресле.

— Ты уверен? Мы могли бы... – спросила Лена и это заставило Юзефа незаметно, но тяжело вздохнуть, снова прогоняя прочь непрошенные мысли и образы.

— Конечно уверен. Это самое удобное кресло на свете.

Лена сонно кивнула и пропала в темноте коридора. Плед прошуршал по паркету, как шлейф от платья сказочной принцессы. Юзеф улыбнулся сравнению, постоял немного у окна, смотря на ночную улицу, а потом опустилсЯ в старое дедушкино кресло, стараясь устроиться поудобнее. «Может быть я просто уже – или все еще – сплю и это такой же сон, как в тот раз? ...».

Он еще долго размышлял о странностях прошедшего дня, пока густо разведенные усталостью, тягучие размышления не перешли в беспокойные сны.

Глава 4.

Юзефу приснился неприятный, тяжелый сон. Нет, все в нем было в общем-то неплохо – сияющий огнями вечерний Город, отражения в темной воде каналов и он вместе с Леной, на которой под теплым весенним ветром трепетало похожее на цветок легкое платье. Она легко следовала за ним и, кажется, была готова исполнить любое желание Юзефа. От этой мысли у него перехватило дыхание и он, не веря себе, прикоснулся к Лене – она же не отстранилась и, напротив, прильнула к Юзефу. Но тут произошло то, что разрушило весь сон, заставило его рассыпаться, словно картонный домик – под своими пальцами Юзеф почувствовал холодный фарфор, а когда он заглянул в глаза Лены, то увидел лишь равнодушный стеклянный блеск. Это были глаза куклы, послушно ждущей приказов хозяина. «Я сам всё это придумал...». С этой мыслью он увидел, как гаснут огни Города и отражения в темной воде, как бледнеет и темнеет неподвижный силуэт Лены, до тех пор пока не понял, что темнота впереди – это его же собственные закрытые веки и более ничего.

Он поднял тяжелую голову, потер затекшую шею и только потом открыл глаза. Поднялся с кресла, разминая спину и шею. Все так же тихо и темно – вероятно, спал он часа два или три, не более. Чем дальше, тем меньше он помнил из событий недавнего сна, будто бы кто-то или что-то нарочно стирали эти неприятные видения. В конце концов осталось только неприятное, граничащее с головокружением ощущение неясного беспокойства.

Юзеф почувствовал пронизывающий холод, особенно сильный у самого пола, и поежился. Похоже, отопления как не было, так и нет, несмотря на уже вполне серьезные заморозки. Он медленно побрел по коридору, пробираясь через темноту и собственные сомнения. С одной стороны он боялся разбудить Лену (потом еще придется объяснять, что он забыл ночью в ее, – и одновременно своей собственной – спальне). С другой – ему хотелось увидеть ее еще раз («Может быть она сейчас видит хорошие сны – и хотя бы сейчас улыбается по-настоящему? У нее, наверное, светлая улыбка...»), поправить плед, накинуть сверху теплое одеяло. Непонятно откуда взялась нежность к этой странной девушке, заблудившейся в пустом Городе. Внезапно Юзеф сам смутился мыслям, невольно рисовавшим его вместе с Леной, и желанию обнять и поцеловать её – и еще... «Стоп! А кто тебе сказал, что она этого хочет?». Но желание увидеть ее, убедиться в реальности ее существования – и вместе с тем какое-то смутное волнение и тревога, – все-таки было слишком сильным.

Юзеф осторожно заглянул в комнату, слабо освещенную лунным светом сквозь двойную преграду – саван из облаков и плотные шторы. Здесь было намного теплее. Уютно. Однако Лены нигде не было.

На душе заскреблись кошки. «Неужели ушла?». Скомканные плед и одеяло лежали на кровати, – остатки кокона после рождения бабочки.

«Или мне просто... померещилось?... Ну конечно, сколько раз ты рисовал себе эту встречу? Сколько? Ты действительно мечтал о чем-то подобном, верно?...»

Накатило ощущение одиночества, оно лишало смысла все слова и движения, лишало силы. Очень знакомое состояние, оно приходило чаще, чем хотелось бы, – но к счастью, всегда быстро терялось за будничной суетой, когда кто-нибудь обязательно придумает смысл твоего существования хотя бы на час-другой. Сейчас же отвлечься было нечем.

Несколько минут в тишине, отмеренных ударами сердца. Безмолвие было нарушено испуганным шепотом, доносившимся откуда-то снизу:

– Не уходи, пожалуйста! Я здесь!

...Оставшись в одиночестве, Лена завернулась в плед, прикрыла глаза и почти мгновенно уснула – слишком много волнений было за этот день, а переживания выматывали ее больше чем любая работа. Сон был странен, если не сказать большего.

Девушке виделось, как она бесконечно долго брела сквозь густой туман, где нет земли или неба, пока не увидела мелькнувшие впереди очертания Города с его крышами и куполами. Она вошла в Город, испытывая одновременно чувство облегчения, ведь зловещая туманная равнина осталась позади, но вместе с тем и чувство тревоги. С каждым шагом по мостовым Города у Лены усиливалось ощущение, что за ней пристально следит некий наблюдатель. Казалось, что Лена когда-то была очень хорошо знакома с этим существом («С этой Тварью...» – прошептала она будто бы не своими губами и волной накатило отвращение, а потом холодный, пронзительный страх), – но испуганная память сразу же наглухо закрыла все свои тайники, спрятала за решеткой болезненные воспоминания. Заранее зная, что произойдет дальше, Лена подняла взгляд и увидела в темном окне еще более темный силуэт. Из глубин этой абсолютной тьмы на Лену упал взгляд, лишенный всякого подобия человечности, пусть даже самой злой и порочной. И этот взгляд был равносителен молчаливому приказу: «Иди вперед и не останавливайся, делай, что должно». Холодом бессилия от осознания своей беспомощности сдавило

грудь, выжимая остатки воздуха из легких, и Лена в отчаянии протянула руку к невидимым здесь, не отличимым от туманной бездны небесам...

«...Просто сон. Ничего кроме...» – успокаивала она себя после, выравнивая дыхание и пульс. Но вдруг замерла: взгляд Лены зацепился за темный проем окна в заброшенном доме напротив, где на мгновение мелькнул большой угольно-черный силуэт – неестественный, бесформенный, пугающе-неправильный, ни на что не похожий. Хотелось сорвать в оглушительном крике голос, позвать на помощь, – но дыхания не нашлось даже на шепот. С трудом преодолевая дрожь, Лена сползла на пол и забилась под кровать. Воображение во всех подробностях рисовало страшную тень, что уже подбирается по карнизам к заветному окошку.

За окном ничего не было, зато в следующее мгновение едва слышно скрипнула дверь. Странная болезненная мысль-воспоминание – «Тварь проходит через любые преграды, ни стены, ни двери ее не остановят... Откуда я это знаю?». Лена замерла...

– Что ты там делаешь? – удивленно спросил Юзеф, заглядывая под кровать. Страх Лены уже испарился и выцвел, неуклонно сменяясь нарастающим смущением.

– Просто страшный сон. Вот я и испугалась. Все в порядке... Но я еще немного здесь посижу, хорошо? – неуверенно прозвучало из темноты в ответ. Лене все еще казалось, что тень где-то поблизости и, кажется, только рассвет избавил бы ее от этого страха.

– Ясно. Ну если тебе и впрямь так удобнее... – проговорил Юзеф. – Знаешь, я здесь останусь, буду охранять тебя от страшных снов. Не возражаешь? – улыбнулся он и протянул в темноту небольшую мягкую подушку. Ответа не последовало, но подушка втянулась в темноту. Юзеф взял себе еще одну и лег прямо на полу рядом с кроватью, на полоске лунного света, улыбаясь Лене.

Страшный сон признал свое поражение и более не возвращался. Лена еще долго разглядывала из темноты своего защитника, вскоре уснувшего под покрывалом из лунного серебра, – и ее страх ушел.

...Пробуждение после второго по счету сна (уже без сновидений) показалось ненастоящим, будто бы сон продолжался и сейчас просто маскировался под реальность. А может быть сна и вовсе не было. «Как странно, что я не заметил этого раньше...» – подумал Юзеф. Он ничего не ел уже второй день и при этом совершенно не чувствовал голода. Точно забыл о том, что это чувство-потребность существует.

Мало того – тело вообще почти не ощущалось, казалось легким и бесплотным. Ночь на жестком и холодном полу ничем о себе не напоминала. Но отчего-то эта «легкость бытия» была почти невыносимой. Интуиция робко подсказывала, что это лишь прелюдия к чему-то большему.

Однако часть ощущений осталась неизменной – свет и темнота, тепло и холод, тишина и звуки. Белый свет за окном по-прежнему заставлял опускать взгляд, пальцы по-прежнему мерзли (или казалось, что мерзли?), а тишина все так же давила на слух.

...Когда он вошел на кухню, Лена сидела на подоконнике и задумчиво разглядывала дом напротив, за пустырем, – заброшенный, страшноватый, с ободранными стенами и выбитыми стеклами. Его готовили к сносу, но снести не успели. «Бедный старый дом... Наверное для тебя исчезновение всех этих людей – счастливое событие, возможность пожить еще? Если только

ты не устал от всех этих лет, не устал смотреть на снега, дожди и листопады...». Услышав шаги, девушка обернулась и кивнула, едва заметно улыбаясь.

– Ты уснул прямо на полу!

– Сам не ожидал! – рассмеялся Юзеф, – Что тебе там привиделось, в том сновидении?

Ее улыбка исчезла, взгляд снова спрятался в заоконном пейзаже.

– Я точно не знаю. Что-то большое и темное, может быть, я видела нечто подобное в детстве и тогда сильно испугалась. Но я не помню, что это такое...

– Это же просто сон, верно?

– Да. Может быть. Я не знаю. – каждая последующая фраза все очевиднее выдавала растерянность.

Она немного помолчала.

– Вот скажи: ты уверен, что всё это, – она обвела рукой вокруг, – настоящее? Что это не сон? Все ощущается так странно...

– Жизнь – как сон? Все может быть. – Юзеф пожал плечами и потянулся к Лене, – Давай проверим, сон это или нет. Где тебя можно ущипнуть?

– Нет, я серьезно! – рассмеялась Лена, но вскоре вновь погрузилась. – Это всё слишком непохоже на настоящую жизнь. Ты заметил, что...

– Ощущения пропали? Заметил. Это действительно странно, со мной никогда не было ничего подобного. Но как ты себе это представляешь? Сны – это не волшебный мир, куда ты проваливаешься через кроличью нору, а просто разрядка для уставшего разума. Кино для одного-единственного зрителя. И кто-то из нас тогда должен сниться другому. Хотя это многое объяснило бы...

Совершенно безумное чувство – Лене вдруг показалось, что он сомневается в ее реальности, в том, что она такой же живой человек. Казалось бы, «пусть сомневается – я имею на это точно такое же право!». Но отчего-то это сомнение показалось настолько жестоким и обидным, что...

В горле застрял комок, она закрыла лицо ладонями. Юзефа словно ледяным ветром обдало. Кажется, он понял. «Её пугает мысль о том, что всё это не по-настоящему!...».

– Что с тобой? Не надо, пожалуйста. Никто никому не снится! Ну или снимся мы оба – кому-нибудь еще... – добавил он, отчаянно улыбаясь.

Тяжелый, трудный вздох, – чтобы снова не сорваться, не заплакать.

– Прости, я не знаю, что со мной происходит. Всё так странно...

– Ты меня прости. Давай о чем-нибудь другом поговорим, ладно?

– О чем?

«Белое безмолвие», охватившее Город, заполняло собой все пустоты и паузы, звенело в воздухе, постоянно напоминая о себе.

– Пойдем, погуляем по Городу – вдруг кого-нибудь встретим, узнаем, что происходит.

– Пойдем...

Они молча собрались, закрыли квартиру на все замки, – хотя казалось, что можно было бы и оставить ее нараспашку, ведь всё равно в Городе кроме них никого нет – и спустились вниз. Теперь в витринах и стеклах первых этажей они отражались не порознь, как вчера, но вместе: молодой мужчина в сером, и крепко держащая его за руку девушка в белом, – похожие, как брат и сестра, и с одинаково потерянными взглядами.

...Едва только они вышли на улицу, как из-за ватных облаков блеснуло, будто подмигивая, солнце. Город из бело-серого стал позолоченным, теплым, несмотря на прохладный ветерок. Теперь тишина даже казалась приятной.

За часы, проведенные в Городе, они никого не нашли и вскоре забыли о том, что вообще кого-то искали. Они просто гуляли по Городу, разглядывая старые дома, золотые купола и кресты церквей, янтарные витражи, кованые ограды и фонари. Им стало, в общем-то, всё равно, что произошло здесь и как им теперь быть. Город очаровал их, отвлек от неизбежно-тяжелых размышлений и безрезультатных поисков...

Они мало говорили, в основном рассказывая друг другу воспоминания из детства и юности, связанные со всеми этими домами, дворами и улицами, но Юзеф несколько раз замечал осторожные и внимательные взгляды в свою сторону. «Неужели я ей все-таки нравлюсь? Или просто выдаю желаемое за действительное? Мне бы правда этого хотелось, пожалуй – нравиться ей...» – подумал он и немного растерялся, – «Я что-то совсем отвык от всего этого. Я так долго жил один, что уже забыл правила этой игры». И он так же украдкой посмотрел на Лену, когда она загляделась на очередной старинный фасад.

«Нет, так не бывает. По крайней мере не со мной».

Более чуткая чем Юзеф, Лена кожей чувствовала на себе его взгляд. Это и смущало девушку, и вызывало на ее лице какую-то взволнованную и глуповатую, как ей самой казалось, улыбку. «Неужели я ему нравлюсь? Я так давно в одиночестве, что и забыла, как сильно может биться сердце от таких мыслей...».

Уже после возвращения домой Юзеф поднял тему, от которой настроение у Лены резко испортилось.

– Может быть стоит выбираться из Города? – спросил Юзеф. – Пока что всё хорошо, но еще недавно здесь было полно людей, а сейчас никого нет. И неизвестно, что будет происходить дальше, если мы останемся. Лишившись вначале части привычных ощущений, не потеряем ли мы затем что-то еще, кто знает?...

Лена промолчала. Умом она понимала, что это предложение стоит обдумать, однако интуиция решительно протестовала. Безумно хотелось остаться в Городе, несмотря на все странное и пугающее, что здесь происходит, только бы остаться. «Вместе с ним, удержать его здесь, – и будь что будет...» – промелькнула дикая мысль. «Что это со мной?» – поразилась Лена – «Я же ничего о нем не знаю! И не знаю, что будет с нами, если остаться здесь...».

– Ты не хочешь? – Лена с тоской смотрела на Юзефа и он всё понял. – Прости меня, пожалуйста. Мы никуда не поедem... мы останемся здесь. И... будь что будет.

Юзеф подошел к Лене и она, кажется, впервые не отстранилась, выдерживая дистанцию, а сделала шаг ему навстречу. Их взгляды встретились – и стена из неловкости, смущения и страха быть отвергнутым вдруг исчезла. Его руки обняли Лену – бережно, как хрупкую птицу, – а ее тонкие руки вцепились в Юзефа так, будто бы он мог растаять в воздухе. Юзеф хотел что-то сказать, но Лена привстала на цыпочки и заставила его замолчать поцелуем – легким, нежным и очень долгим. Это означало: «Не нужно ничего говорить, просто будь здесь со мной, просто существуй, слышишь?».

Неутомимое Время, казалось, просто перестало существовать. Юзеф уже не мог уверенно ответить на вопрос, сколько же дней и ночей они провели вместе в старой квартире посреди опустевшего Города. Свет сменял темноту, сумерки застилали свет, а их хрупкое и невозможное, словно вырезанная из папиросной бумаги сказочная птица, счастье из снов и зыбких надежд никуда не исчезало. Но и сейчас Юзефу казалось, что он еще слишком мало был вместе с Леной, слишком мало мгновений растягивались до вечности в поцелуе, слишком мало он слышал ее легкого серебряного смеха.

Лене все происходящее порой казалось сном – но на этот раз светлым и долгожданным настолько, что было настоящим подвигом поверить в его реальность. Она приняла Юзефа и свою любовь к нему так, словно они были в ее сердце всегда. И теперь-то она была уверена, что её наивная детская вера в «суженого-ряженого» была предчувствием именно этой, а не какой-то иной встречи. Но стоило Юзефу выйти хотя бы в соседнюю комнату, как Лену охватывал необъяснимый страх, что он исчезнет и не вернется, а затем сотрутся из памяти его имя, голос и тепло его пальцев. Наверное поэтому она так цепко держалась за него, когда обнимала.

Все их занятия и увлечения, прежде казавшиеся им самым странноватыми из-за того, что друзья и знакомые мало что в них понимали и не слишком интересовались ими, вдруг нашли благодарного зрителя и соучастника. Юзеф никогда бы не поверил раньше, что будет рассказывать девушке об устройстве старинных часов – и это будет ей по-настоящему интересно! И что он будет читать свои сочинения вслух без мучительного чувства неловкости и стеснения перед слушателем, потому что слушатель был с ним самим на одной волне, на которой кроме них не было больше никого в этом мире. И сейчас Юзефу казалось, что его голосу внимает та, о ком были все эти светлые и мечтательные истории – безымянная незнакомка из его кратких зарисовок словами наконец-то обрела имя и плоть, словно он сам вызвал её из небытия или воплотил и оживил своей мечтой, как влюбленный в свое творение скульптор из древнего мифа.

И Лена никогда бы не поверила прежде, что чьи-то слова, написанные безупречным, как у гимназистов прошлых веков, почерком, наконец-то заполнят звенящую пустоту её незавершенных рисунков. И что она вообще сама позволит кому-то заполнить эту пустоту. Юзеф к удивлению Лены с совершенной точностью подбирал слова для каждого эскиза, словно создавая им оправу из «белых стихов» и лаконичных зарисовок в прозе, как она сама когда-то создавала иллюстрации для чужих книг. Теперь её «сиротские», по собственному же Лениному выражению, рисунки вдруг стали казаться поистине завершенными и совершенными. Всё изображенное обрело имена и смысл. Хрупкое сердце Лены раскрылось под чуткими руками Юзефа, как замерзший цветок в тепле.

«Столько лет я тебя искал» – думал каждый из них, но от осознания пройденного пути и пережитых невзгод не было осадка горечи. Старое закончилось без следа и теперь всё будет по-другому.

Глава 5.

Алиса в последние месяцы с головой ушла в круговорот лекций, экзаменов, работы и встреч с бесчисленными друзьями. График был настолько насыщенным, что она не обратила особого внимания на долгую паузу в их и без того не слишком частом общении с братом. Но с каждым новым днем в душе Алисы нарастало беспокойство: "Куда он пропал, почему не пишет и не звонит?". Конечно, Юзеф и раньше "забывал", что у него есть сестра, которая тоже порой скучает без брата, но все-таки как-то тревожно...

Телефон Юзефа молчал, на шутливо-разгневанную открытку, отправленную по почте, ответа не было. Наконец Алиса решила заявиться к нему прямо домой, но не тут-то было – дверь оказалась запертой, окна квартиры Юзефа были темными и безжизненными. Бдительная соседка-старушка, со скуки следившая за всеми обитателями подъезда, уверенно заявила, что никаких подозрительных посетителей к Юзефу не было, да и он сам вроде бы вернулся с работы в обычное время. Прождав пару часов до темноты, Алиса ушла с чувством растерянности и подступающего к горлу комка, потому что от волнения ей стали мерещиться самые мрачные картины.

"Где же ты, братец?" – Алиса смотрела в окно своей комнаты, но сумерки и тусклый фонарь над закованным в серый гранит каналом не отвечали. Фокус ее взгляда сместился на собственное отражение – темные, почти черные прямые волосы, по-лисий заостренные черты лица, брови пиковой дамы из карточной колоды. Из общего у них с братом были только тонкие черты, бледная кожа и янтарного цвета глаза – в остальном они были похожи не больше, чем пламя и лед. И характеры их с детства различались настолько, что Алиса никогда не могла с уверенностью сказать, о чем именно думает ее брат. "Глаза у нас может и одинаковые, но видим ими мир мы по-разному". Обычно это не становилось проблемой, но именно сейчас ей было очень нужно понять ход мысли Юзефа и причину его исчезновения – но это понимание не приходило. Ночью Алиса долго не могла уснуть и только под утро ей приснился тревожный и неприятный сон.

Алиса стояла на оживленной многолюдной улице где-то в центре Города и вдруг заметила Юзефа в окне одного из домов, но он не замечал сестру и смотрел лишь в темноту перед собой. Темную комнату освещала единственная свеча и света было слишком мало, чтобы осветить дальние углы вытянутой и узкой, как гроб, комнаты. И вдруг темнота из дальних углов комнаты начала приближаться к Юзефу, протягивая к нему свои паучьи пальцы – и Алиса закричала от страха, но то ли стекло заглушало звуки, то ли уличный шум, но Юзеф не заметил ее и не обернулся. Он просто сидел на полу и безучастно смотрел на ползущую к нему тьму.

Начиная паниковать от нарастающего страха, Алиса все сильнее и сильнее била кулаками по стеклу, больше похожему на толстый лед на замерзшем озере – такое же прочное и обжигающе холодное, пока оно наконец не начало покрываться трещинами. Наконец разбилось! Алиса поспешно, не думая об острой кромке стекла, просунула руку в дыру от выпавшего осколка, наощупь открыла задвижку и распахнула окно настежь. Порыв ветра погасил свечу и погрузил комнату и неподвижный силуэт Юзефа во мрак. Алиса невольно отшатнулась, борясь с нахлынувшим страхом перед этой кромешной тьмой, но все-таки решилась и шагнула в черный провал распахнутого окна, словно в омут. Последнее, что она успела увидеть – рой бледных мотыльков, выпорхнувший из темноты и окруживший ее со всех сторон, словно облако...

Проснувшись, Алиса долго не могла прийти в себя и избавиться от дурных мыслей. Озноб от холодного ветра, повеявшего "с той стороны", не оставлял ее, а рука болела в том самом месте, где она во сне порезалась об осколок стекла... Вновь она уснула уже перед самым рассветом, когда ночная мгла уступила место предрассветным сумеркам. И на этот раз никаких снов Алиса не видела и спала беспробудным сном до тех пор, пока ее не разбудило щебетание птиц на ветке за окном.

Утром Алиса, наскоро выпив черный кофе без сахара и уже на улице у подъезда быстро выкурив сигарету (по детской привычке невольно оглядываясь, не застанет ли ее кто-то знакомый за этим "преступлением"), снова поспешила к Дому с Башней, где жил Юзеф. Сейчас этот дом со всеми его запертыми дверями и темными окнами казался ей ребусом, который она может разгадать, если будет достаточно внимательной и упорной. "Куда ты пропал? Уехал из Города? Ты же ни разу не уезжал отсюда за всю жизнь!" – думала она, пытаясь понять, что могло заставить Юзефа нарушить свою размеренную и тихую жизнь и может даже покинуть искренне любимый им Город.

Если Алисе порой было неуютно и тесно в слишком сыром и продуваемом ветрами Городе с его дворами-колодцами и лабиринтами из ветхих домов, то Юзеф, кажется, не мыслил иной жизни. Да и Алиса не могла представить брата где-либо еще. "Нет, не может этого быть. Ты все еще здесь... Но как мне найти тебя?".

В эту минуту краем глаза Алиса заметила что-то вроде тени, мелькнувшей в стороне у стены Дома. К своему удивлению она узнала кошку Юзефа – черный зверек уверенной трусцой направлялся куда-то по своим кошачьим делам. "Если бы Юзеф собирался уехать, он обязательно бы нашел кому оставить кошку и уж точно не стал бы выгонять ее на улицу. Следовательно, это произошло внезапно... А кошка, видимо, выбралась через открытую форточку!" – и действительно, форточка в одном из окон была приоткрыта. Алиса с трудом поборола сдавливающий горло страх и заставила убраться прочь мысли о том, что Юзеф сейчас может быть там один, за темными окнами, и что может быть уже слишком поздно. "Что же делать? Не в окно же мне лезть... Так, для начала надо поймать эту блудную кошку, чтобы не потерялась!" – как и Юзеф, Алиса всегда любила и жалела кошек, даже если они доставляли ей неудобства, поэтому, вздохнув, она поспешила за ускользающим в подворотне черным хвостом.

Кошка, точно догадываясь о погоне, задорно вильнула хвостом, побежала быстрее и шмыгнула в арку старого дома, что вела во двор. Но ржавая железная решетка была закрыта на замок, а вредная кошка проскользнула между прутьев и скрылась. Алиса, торопясь, пробовала открыть решетку, но тщетно. Вдобавок она еще и поцарапала пальцы, хватаясь за покрытый ржавчиной и облупившейся краской металл. Это маленькое поражение окончательно вывело Алису из себя – она разозлилась, ударила кулаком по решетке, так что на металле остались следы крошечных капелек крови, и крикнула в темноту, сама толком не зная к кому обращаясь – а может и просто выплескивая накопившуюся злость и отчаяние:

– Открывайся, черт тебя поberi!

К удивлению Алисы после ее удара и возгласа (а еще взгляд почему-то задержался на едва заметных на ржавчине следах крови) нечто изменилось. Алиса кожей ощутила низкий гул и дрожь от невидимого глазу движения – словно где-то в глубине дома, в самом его фундаменте глухо закрипели и завращались какие-то механизмы. Ржавая дверь медленно, с неожиданно мелодичным скрипом, отворилась, словно приглашая Алису войти. Девушка вдруг вспомнила свой недавний сон и ощутила холодок на коже от ветра, что дул с той стороны. Разозлившись

на себя и свои страхи, Алиса стиснула зубы и переступила через порог. И вздрогнула, но не обернулась, когда дверь за ее спиной с лязгом захлопнулась.

Она мгновенно забыла о кошке, когда увидела перед собой совершенно пустой дворик. Ни на лавочках у подъездов, ни в окнах, ни на балконах не было ни единого человека. И судя по невероятной тишине, немного оглушившей Алису, на всех ближайших улицах и переулках не было ни души. На мгновение она усомнилась в том, что глаза ее не обманывают.

Она вдруг узнала это странное чувство – когда чужой город кажется чужим не из-за домов, построенных в ином стиле, или вывесок на чужом языке, а из-за неуловимо иного вкуса воды и воздуха, иной палитры цветов его рассветного и закатного неба, незнакомых нот в чирикании воробьев и ворковании голубей. Иногда такое чувство посещает тебя и в твоём собственном родном городе, особенно если тебе пришлось оставить его надолго, уехав прочь или оставшись, но погрязнув в работе, учебе, личной жизни – и потеряв связь с ним и настройку на его тонкие, неуловимые звуки и оттенки. А они этого не прощают... Чем дальше, тем больше она укреплялась в уверенности, что всё вокруг нее изменилось в мгновение ока – Город, небо над ним, все краски и звуки. Никакого разумного объяснения этому не было, но между доверием к своим ощущениям и доверием к некой абстрактной "разумности" Алиса уверенно выбрала первое.

"Это все еще Город – или уже нет?". Старинные дома вокруг и небо над ними были такими же, как в Городе, но Алиса не узнавала место, в котором оказалась. Несмотря на царящую здесь тишину, ей начинали слышаться шорохи и слабые шелестящие шепотки. Лепные демоны, ангелы и театральные маски, украшавшие фасады домов, казалось, незаметно двигались за ее спиной.

Алиса тревожно оглянулась назад, на всякий случай ища путь к отступлению. Но арка за ее спиной была заложена кирпичом, оштукатурена и окрашена, очевидно, давным-давно, хоть это и разрушало ее уверенность в собственных памяти и рассудке.

Несколько минут она брела, оглядываясь по сторонам в поисках хотя бы какой-то подсказки или человеческого лица, но видела лишь запертые двери и темные провалы окон. Вдруг ей померещилось, что в глубине одной из арок, что вела в глубину очередного двора-колодца, мелькнула человеческая тень. Алиса ускорила шаг, а затем перешла на бег – но не успела. То ли ей показалось, то ли тень была намного быстрее нее, во дворе никого и ничего не оказалось. "Но я же видела... это. Что именно я видела?". Головокружение и странная легкость, почти невесомость тела делали происходящее еще менее похожим на реальность. А еще Алису не покидало чувство, что она открыла ту дверь без спроса и здесь, – чем бы ни было это "здесь", – ее никто не желает видеть и не ждет. В лучшем случае, а в худшем...

Алисе было не по себе, но тревога и страх быстро сменились раздражением – она еще раз вспомнила, зачем пришла, перед ее глазами снова встал образ Юзефа и, воинственно стуча каблучками, она уверенно зашагала в глубину проходных дворов. "Я не сошла с ума! Я найду его дом, все это не собьет меня с пути! Это все еще Город, я же всю жизнь прожила здесь, я не могу потеряться, это просто нелепо...". Алиса во что бы то ни стало решила найти Дом с Башней... если он все еще существует в странно изменившемся Городе.

Её накрыла тень – и, подняв голову, Алиса оцепенела, увидев мелькнувший над крышами силуэт какого-то огромного существа, в десятки раз больше самой крупной из встре-

чавшихся ей птиц. Настолько, что она испытала страх, который, наверное, испытывает червяк или букашка от пролетевшего неподалеку воробья – и острое желание забиться в какое-нибудь убежище. Взгляд упал на приоткрытую дверь ближайшего подъезда – и страх перед открытым пространством пересилил страх темноты и неизвестности.

“Один... Два... Три... Четыре....” – считала она в уме, чтобы успокоиться. Тянулись минуты ожидания в темноте и с каждой прошедшей минутой первоначальное потрясение от увиденного слабело, а рассудок старательно подтачивал уверенность в реальности произошедшего. “Ну не может же быть в небе над Городом драконов?! Или может?”. Спустя десять минут случившееся вовсе уже казалось Алисе лишь игрой ее собственного воображения, а злость на внезапный приступ паники достигла предела. “Довольно!”. Набрав воздуха в легкие, она решительно вышла на свет... и ничего не произошло. Снова эта удивительная тишина, которую уже не заглушали звуки собственных сбивчивых шагов и ударов взволнованного сердца. В небе над двором-колодцем парили лишь всё те же самые облака, что и прежде.

– С-с-сюда! – тихо прошипел за спиной какой-то голосок, от которого мороз пошел по коже и слегка зашевелились волосы. Алиса никогда в жизни не слышала подобного голоса, он был больше похож на шипение змеи, чем на человеческую речь, но слово было произнесено старательно и отчетливо, с совершенно человеческим выражением, как никогда не сможет произнести животное. Алиса в панике крутанулась на каблуках, неловко взмахнув рукавами пальто и сумкой, чтобы заметить подкрадывающуюся к ней тварь и, если получится, дать ей бой, но рядом никого не оказалось. Сердце стучало в бешеном ритме, пульс в висках отдавался в голове как удары колокола – больше всего сейчас Алиса боялась потерять сознание. Так прошло несколько изматывающе долгих мгновений, во время которых она пыталась определить источник пугающего голоса. Никого, кроме статуи сфинкса в середине очередного тесного двора в тюрьме из старых домов. Довольно зловещей на вид статуи – одна половина лица сфинкса была лицом красивой юной девушки, а вторая ликом смерти с пустой глазницей и безгубым ртом скелета, – но всего лишь статуи. Еще минуту она собиралась с духом, чтобы подойти ближе. Алиса протянула руку и дотронулась до гладкого камня... Это был лишь камень, хотя и необычно теплый для этого времени года. Алиса с сомнением посмотрела в невозмутимый лик сфинкса, а потом ее взгляд невольно упал на переулок за спиной статуи и она увидела в просвете между домами кирпичный дом с высокой башенкой на крыше – тот самый дом, в котором жил Юзеф. И даже отсюда было видно, что свет в окне его квартиры горит. Сходу пустившись бежать, словно Дом С Башней мог спрятаться от нее в тумане или сбежать, ускользнуть, Алиса поспешила к брату.

Глава 6.

– Я чуть не сошла с ума, разыскивая тебя! – сходу обрушилась Алиса на опешившего Юзефа, когда тот открыл дверь. В ногах брата путалась, как ни в чем не бывало, черная кошка (и на мгновение Алисе почудилось насмешливое выражение на ее мордочке). Услышав шум из прихожей, Лена выглянула из комнаты, да так и замерла, увидев незнакомую темноволосую девушку, что устроила выволочку Юзефу. И Алиса умолкла, когда увидела в квартире брата светловолосую незнакомку. Несколько секунд длилось неловкое молчание, после которого Алиса заговорила уже немного сдержанней.

– Что вообще здесь творится, куда все исчезли? На улицах никого нет, сам Город изменился! Ты ведь тоже заметил это, я же не сошла с ума? Я уже начала думать, что и ты тоже куда-нибудь... пропал! Прости, конечно, но я от тебя теперь не отстану! – нервно улыбнулась

сестра и посмотрела на Лену. – Ты нас познакомишь? Как-то неловко закатывать скандал, даже не представившись...

Под пристальным взглядом сестры Лена продержалась не дольше секунды и отвела глаза в сторону. Юзеф вдруг подумал, что между двумя девушками нет совершенно ничего общего – настолько разные, что еще поискать такую пару...

– Лена. Алиса. – смущенно представил друг другу девушек Юзеф. Его сестра продолжала пристально разглядывать Лену. – Алиса моя сестра. Да, мы с ней не очень-то похожи, ну разве что кроме одинакового упрямства. Такая уж у нас фамильная черта! – улыбнулся Юзеф и получил ответную ухмылку от Алисы.

– Да уж, представил в лучшем виде. Давно вы познакомились? Похоже у вас всё серьезно, а я что-то совсем не в курсе этой новой главы в твоей жизни...

Юзеф и Лена переглянулись, одновременно пожали плечами и как-то беспомощно улыбнулись. Алиса посмотрела на них с осторожным любопытством, как на безобидных сумасшедших.

– В самом деле не знаю, как это объяснить. Кажется, что всю жизнь прожили вместе – а может всего несколько дней. Звучит глупо, но лучше объяснить у меня не получится. – пожал плечами Юзеф, наливая чай в большую чашку своей сестре. – И я не смогу объяснить тебе, что произошло с Городом, потому что знаю не больше твоего. Но не думаю, что этого стоит бояться.

– А я думаю что стоит! – насупилась Алиса. – Мы все попали в какое-то зазеркалье и меня лично это... место нервирует! И вот это твое поведение – еще более странное, чем обычно, хотя куда еще, казалось бы!

– Я вроде бы никуда не "попадал". – удивленно поднял бровь Юзеф. – Город просто стал иным, когда я проснулся.

– Да! – подала голос Лена. – Я тоже просто проснулась уже... здесь. И, по-моему, это самое "здесь" не такое уж и страшное.

– Понятно...

«Что ничего не понятно...» – подумала Алиса. «Умом он повредился, что ли? Память потерял? И она тоже... Откуда она вообще появилась, почему они здесь вдвоем? Юзеф вроде ничего про нее не писал. Любовь с первого взгляда? После всех этих неудачных отношений?...». И с беспокойством посмотрела на Лену. Вроде бы оснований для неприязни не было, но Алиса отчего-то ей не доверяла. Сердцем, интуицией, «шестым чувством» – называйте как угодно. Раз уж бывает любовь с первого взгляда, то и нелюбовь с первого взгляда тоже возможна.

– Ладно... – вздохнула Алиса. – Я смотрю у вас тут все замечательно и мне, конечно, не хотелось бы нарушать идиллию, но... Юзеф! – она умоляюще посмотрела на брата: – Давай найдем выход и выберемся обратно в тот Город, в котором мы родились и на самом деле живем, ладно? Я не хочу здесь оставаться, но не хочу и оставлять здесь тебя!

Видя, как Юзеф смотрит на притихшую и почему-то опечаленную Лену, Алиса добавила: – Мы уйдем все вместе, втроем! Вы согласны?

Юзеф неуверенно кивнул, а Лена с расстроенным видом пожала плечами – "делайте что хотите...". Алиса облегченно вздохнула.

– Но как ты собираешься... "выйти"? – с сомнением проговорил последнее слово Юзеф. – С учетом того, что я понятия не имею, как мы "вошли", я пока что не представляю, что необходимо для обратного.

– А вот я имею представление! – парировала Алиса. – И я помню, где был "вход". Вот только он мгновенно исчез, стоило мне оглянуться...

Все трое ненадолго умолкли, зайдя в тупик в своих догадках. Алиса, в отличие от брата, прямо-таки ненавидела тупики в любой форме. Для нее лучше уж было пробить стену лбом или расшибить лоб об стену, чем примириться с тем, что выхода нет. И сейчас в ней снова вспыхнул этот упрямый огонек отрицания.

– Думаю, нам просто нужно выйти из Города и это наваждение закончится. – с преувеличенной уверенностью нарушила затянувшуюся тишину Алиса. – Не может же быть так, чтобы весь мир изменился, должна же быть где-то граница у этого дурного сна наяву! По крайней мере иного выхода я не вижу и уж если это не сработает...

– Значит просто пойдем на юг. – ответил Юзеф, пожав плечами. – И через пару часов мы уже будем за пределами Города. В остальных направлениях двигаться смысла нет, мы упрямся в Реку и Море, если, конечно, они всё еще на своих местах...

– Тогда давайте поскорее. – поторопила Алиса. – Чем скорее, тем лучше. Чем дольше я слушаю эту тишину, тем больше мне становится не по себе и больше мерещится всякой жути!

«Кому лучше?» – грустно подумала Лена, но не решилась спорить. Юзеф обнял ее и, кажется, понял, о чем она думает. «Но ты любишь свою сестру и не хочешь расстраивать её, ведь у тебя больше никого нет, как и у нее...». Их сборы были недолгими – не сговариваясь, они помогали собирать самое дорогое и необходимое в рюкзак Юзефа и сумку Лены. В последний момент выяснилось, что кошка вновь куда-то пропала, хотя куда она могла деться в закрытой квартире? Не растворилась же в воздухе...

– Может быть сбежала, когда пришла Алиса? – предположил Юзеф. Он был явно расстроен, как и Лена, однако Алиса нервничала и решила пресечь эти колебания. Она вздрогнула при упоминании кошки, но решила не рассказывать Юзефу о том, что видела хвостатую бесстию еще до того, как начались все эти странные вещи с опустевшим Городом. И что, в сущности, именно из-за нее Алиса и оказалась здесь.

– Как ей будет угодно! – отрезала Алиса, – Если ушла, значит не хочет уходить с нами. Пойдем, просто оставьте дверь открытой, если она вдруг вернется. Она у тебя самостоятельная, не пропадет.

Юзеф оставил дверь нараспашку по совету сестры и все трое направились на юг, проходя через старые фабричные кварталы, среди которых прятался Дом с Башней, где жили Юзеф и Лена. Мимо проплывали закопченные заводские здания из осыпавшегося красного кирпича, старые жилые дома чахоточно-желтого цвета и запущенные скверики с больными деревьями, покрытыми вековой пылью. Между ними мелькали здания помоложе, серые и безликие. Давно прошедшая война и неизбежная старость прореживали строй домов Города наравне с его обитателями. Кто-то погибает от оружия, кто-то от болезней и усталости, но на месте каждого

ушедшего вскоре появляется кто-то еще, новое здание строится на фундаменте из утонувших в земле могильных плит, а новый жилец тащит на свалку или готовит к отправке на летнюю дачу чью-то – уже неизвестно чью, – любимую старую мебель, не зная о том, сколько счастливых и горьких дней она разделила со своими хозяевами.

Рассыпающиеся, но еще сохранившие красоту и остатки былой роскоши дома имперских времен сменялись монументальными и величественными зданиями времен Республики, а те в свою очередь бетонными коробками последних десятилетий. Город прирастал как древесный ствол – кольцами. За свою долгую историю он побывал и столицей Империи, и очагом революций, и местом героических сражений, от которых зависела судьба целой страны. Но теперь некогда славное прошлое Города уже было почти позабыто его обитателями и тихо превращалось в руины. Будущее же, воплотившееся в высоких башнях из стекла и серого бетона, виделось вполне сытым и благополучным, но безликим и бездушным. Эти серые полчища окружали Город, словно держали его в осаде в надежде на то, что когда-нибудь последний старый дом рассыплется в прах под ударами неумолимого Времени и тогда строй защитников памяти Города останется лишь на выцветших фотографиях и в памяти немногих живых его жителей, которые тоже со временем уйдут в небытие.

Алиса постоянно поглядывала на Лену, крепко вцепившуюся в рукав Юзефа. «И что он в ней нашел? Они, конечно, чем-то друг другу подходят...». Алисе не хотелось признаваться даже перед самой собой, что Лена намного больше похожа на родную сестру Юзефа, чем она сама. Это злило её отдельной строкой, усиливая невольную ревность к брату.

Большая часть пути прошла в тишине, иногда нарушаемой краткими неловкими разговорами, быстро заходившими в тупик. Общих тем пока что не находилось. Лишь одно исключение – мысли о том, что произошло с Городом и как вернуть всё на свои места. Но ответа на эти вопросы не было.

Чем ближе Юзеф, Лена и Алиса приближались к южной черте Города, тем больше портилась погода, тем холоднее становился воздух. Небеса быстро темнели и наполнялись влагой, промозглый ветер дул с юга и гнал по улицам пыль и сухие листья.

Чем дальше они уходили от дома, тем тревожнее чувствовала себя Лена. Ей было холодно и беспокойно, она все крепче стискивала руку Юзефа. Нервничала и Алиса. Неуверенность читалась на лице Юзефа – он постепенно запутался в сплетении улиц, которое совершенно не совпадало с тем, что помнил о Городе он сам. Оставалось только надеяться на то, что они шли в верном направлении. Внезапно Лена остановилась и отстала от остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.